

А. В. БАУЛО

Легендарное Нильдинское БЛЮДО

Северная Сосьва

История этой удивительной находки началась более двадцати лет назад, когда автор вместе с И. Н. Гемуевым, ныне безвременно ушедшим, работали в бассейне Северной Сосьвы, в нижнем течении которой стоит Березово, известное место ссылки А. Меншикова. Здесь по берегам реки в селениях-юртах проживают манси – небольшой народ, родственник хантам, венграм, эстонцам и финнам. Занимаются охотой и рыболовством, почитают своих богов, приносят жертвы, соблюдают обряды... Приметами их самобытной культуры являются в том числе и святилища, сохранившиеся в глухих уголках сибирской тайги. В одном из таких «храмов под открытым небом» и было обнаружено старинное серебряное, богато украшенное блюдо, ныне хранящееся в фондах музея Института археологии и этнографии СО РАН

БАУЛО Аркадий Викторович – доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Область научных интересов: традиционное мировоззрение и обрядовая практика народов севера Западной Сибири. Автор 5 монографий и более 50 статей

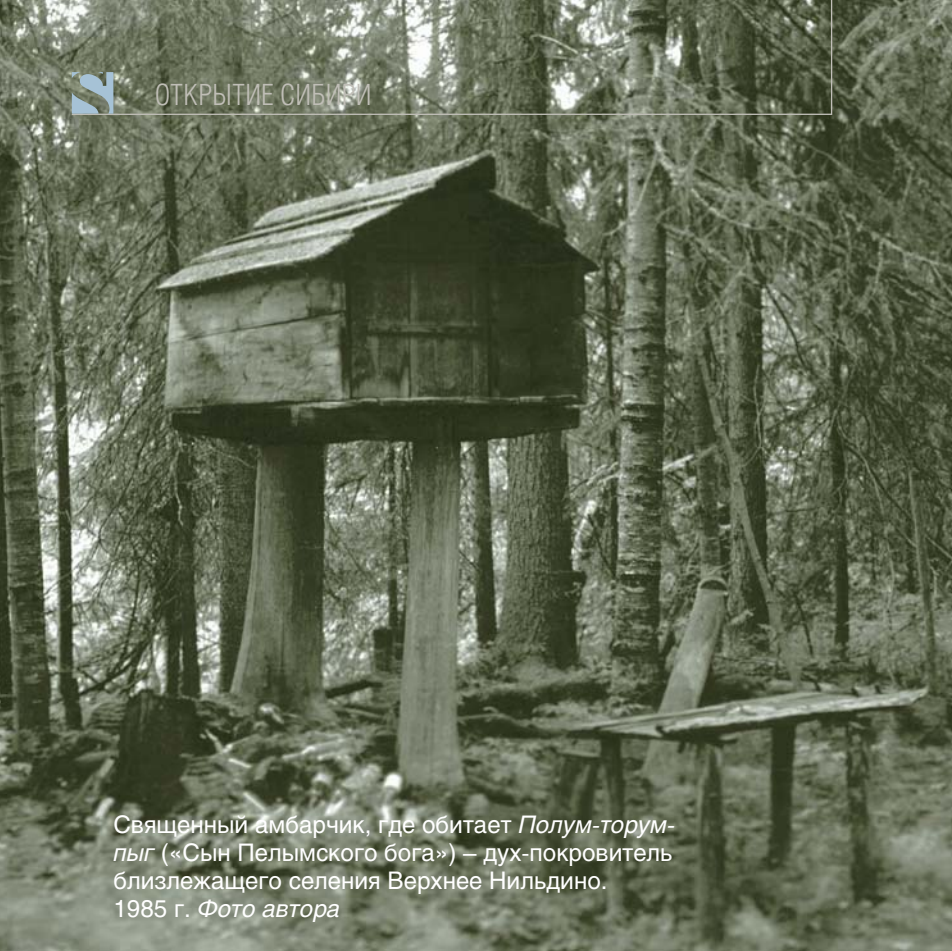
В тот жаркий июльский день 1985 г. мы отправились с проводником в путь по крохотной извилистой речке, заваленной стволами упавших деревьев. Это было весьма опасно – разгоняться на моторной лодке, на полной скорости придавливать корпусом дерево, сбрасывать газ, не останавливаясь переваливаясь через ствол, затем добавлять газ и лететь до следующего препятствия. Можно было легко пробить днище лодки, разбить или утопить мотор, но, видимо, мансийские боги уже давно ждали нас в гости: бешеная получасовая гонка благополучно закончилась у тропинки, ведущей на высокий берег.

В нескольких минутах ходьбы от берега, на опушке, на двух высоких опорах стоял священный амбарчик, где обитал *Полум-торум-ныг* («Сын Пелымского бога») – дух-покровитель близлежащего селения Верхнее Нильдино. В двух метрах от амбарчика стоял стол на четырех ножках, еще дальше – кострище, на кольях которого вырезаны личины лесных духов.

Манси приходили сюда несколько раз в год, но главное жертвоприношение происходило зимой, вскоре после Нового года. Лучшей жертвой божеству считался

Нильдинское блюдо отлито из серебра и покрыто позолотой, его диаметр составляет 24 см, вес – 1103 г. Лицевая сторона украшена сложной многофигурной композицией: в центре находится изображение крепости (или замка), которую окружают десять всадников. На верхнем ярусе здания видны фигуры трех воинов, в сторожевых башнях – головы еще четырех человек. С верхней части крепости свешиваются тела двух погибших, еще двое лежат у подножия стены. В середине сцены – фигуры семи музыкантов с поднятыми вверх трубами и человек с ящиком на плечах. Над входом в крепость в окне изображена женщина с поднятыми руками. Блюдо относится к продукции ремесленных мастерских Средней Азии. Уже в Сибири или на Урале на его лицевой стороне рядом с фигурами воинов были вырезаны изображения двух лосей (см. прорисовку на стр. 57). *Средняя Азия, VIII—начало IX вв. Фото В. Кавелина*

Священный амбарчик, где обитает *Полум-торум-пыг* («Сын Пельмского бога») – дух-покровитель близлежащего селения Верхнее Нильдино. 1985 г. Фото автора

И. Н. Гемуев на одном из священных мест манси в предгорьях Урала с проводником В. П. Самбиндаловым. Оз. Турват. 1990 г. Фото автора

В конце XIX в. это место посетил известный путешественник К. Д. Носилов, описавший сокровища, хранившиеся в амбарчике: «На шее идола оказалась целая куча дорогих шелковых платков, в углах которых было столько серебряных старых екатерининских монет, что ими легко можно было наполнить добрую миску... Когда мы сняли с идола шубу, то открыли настоящий клад серебра: оно так и сыпалось из всех дыр старинной материи... Тут старые рубли, тут золото... Вместе с серебром покатались на пол ажурной старинной работы серебряные чашечки, полные монет. Я схватил одну: она была тонкой, нерусской работы, на дне ее были изображены драконы, какие-то чудовищные птицы и звери, что-то знакомое по Египту и Персии...» (Носилов К. Д., 1904)

Нильдинское блюдо в шапке-чехле. Фото В. Кавелина

конь. Его привязывали к специальному столбу и клали на спину священное покрывало с изображением Небесного всадника *Мир-сусне-хума* («Мир озирающего человека»), одного из братьев Пельмского бога. Животное оглушали обухом топора и закалывали. Первую тарелку с сырым мясом и кровью ставили на крылечко амбарчика: считалось, что божество вкушает поднимающийся от пищи пар.

Люди обращались к *Полум-торум-тыгу* с просьбами об удачном промысле, семейном благополучии, благодарили за покровительство. Затем разделяли тушу животного и варили тут же в громадном котле. После пира оставшееся мясо забирали в поселок. Статус культового места был высоким, и потому женщины сюда не допускались.

...Наш проводник прислонил к крылечку амбарчика лестницу – обычное бревно с зарубками для ног, открыл дверцу. Мы по очереди заглянули внутрь: у задней стены на низком помосте была усажена антропоморфная фигура Сына Пельмского бога в черном халате и трех островерхих суконных шапках. На жердочках вдоль помещения висели жертвенные платки; сразу за дверцей мы увидели пачки папирос и чая, спички, жестяную миску с рюмками.

В сундуке, стоявшем справа от входа, в двух шапках-чехлах, вложенных друг в друга, лежало большое серебряное блюдо, завернутое в платки и специально пошитые одежды с медными пуговицами. По словам проводника, во время жертвенной церемонии блюдо вынимали и за кожаный ремешок подвешивали на ветку дерева.

Манси полагали, что на блюде изображены их боги, включая *Полум-торума*, *Мир-сусне-хума*, Духа грома, Водяного царя и их сыновей. Фактически святилище выполняло функции храма под открытым небом, а блюдо – роль главной иконы.

В том же 1985 г. оно было приобретено для музея. Внимательно ознакомиться с замечательной находкой, получившей название «Нильдинское блюдо», удалось уже в Новосибирске.

Священный белый металл

По изображениям на блюде его удалось датировать: оно вышло из ремесленных мастерских Средней Азии в VIII–начале IX вв. Безусловно, для стороннего человека находка столь древней чашы на современном языческом святилище могла показаться странной. Да и для

специалистов это было далеко не рядовое событие, хотя и отчасти объяснимое.

Вспомним хотя бы две популярные легенды, связанные с древними обитателями Зауралья и их богами. Одна из них – о «чуди белоглазой», оставившей после себя бронзовые изображения вождей, многочисленные клады золотой и серебряной утвари. Вторая легенда, широко известная в средневековой Западной Европе, – о Золотой Бабе. «За землю, называемую Вяткою, при проникновении в Скифию... находится большой идол *Zlota Baba*, что в переводе означает золотая женщина или старуха; окрестные народы чтут ее и поклоняются ей, никто, проходящий поблизости... не минуется с пустыми руками и без приношений» (М. Меховский, 1517 г.). Как видим, обе легенды связаны с древним металлом.

Север Западной Сибири оказался своеобразной кладовой для восточной серебряной утвари. В VI–VII вв. в Верхнее Прикамье проникли среднеазиатские купцы, которые вывозили с Севера моржовый клык, ловчих птиц и меха. Через Прикамье на рубеже VII–VIII вв. в торговые связи с югом стало втягиваться Приобье. Связи с западом были в это время единственно воз-

можными для Зауралья – на юге, в степях, сложилась неспокойная обстановка, одна кочевая империя сменяла другую. На западе же действовал торговый путь по Волге. Через ответвление этого пути в Прикамье за Урал и проникало основное количество восточного серебра.

Ввиду особой ценности и «священности» белого металла серебряные изделия чаще всего попадали на сибирские языческие святилища, где продолжали свою жизнь в качестве ритуальных атрибутов. С исчезновением или разрушением культовых мест серебро уходило под землю, откуда спустя сотни лет вторично появлялось на свет в составе «кладов».

В Нижнем Приобье таким путем были найдены: серебряное блюдо VI в. с ангелами по сторонам креста; восточно-иранское блюдо XI в. с изображением царя на троне; бутылки XI в. из Тохаристана и Ирана; подносы XI–XII вв. из Малой Азии и Хорезма; полая голова чудовища из Согда VIII в.; хазарский ковш IX в.; византийская чаша XIII в. со сценой вознесения Александра Македонского на грифонах и др. В конце XIX в. на одном из мансийских святилищ в верховьях Северной Сосьвы была описана древняя серебряная фигура слона.

Директор Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровский (справа) в музее Института археологии и этнографии СО РАН. Фото В. Кавелина

Нильдинское блюдо (справа) является двойником знаменитого Аниковского блюда (слева) из собрания Государственного Эрмитажа, найденного в 1909 г. у дер. Больше-Аниковская Чердынского уезда Пермской губернии. Фото сделано в Эрмитаже (Санкт-Петербург)

Блюда-двойники

И. Н. Гемуеву достаточно быстро удалось установить, что Нильдинское блюдо является двойником знаменитого Аниковского блюда из собрания Государственного Эрмитажа, найденного в 1909 г. у дер. Больше-Аниковская Чердынского уезда Пермской губернии. Последнее на протяжении многих десятилетий находилось в центре жаркой дискуссии советских и зарубежных исследователей. Спор шел относительно места и времени изготовления уникального экспоната, а также смысла его композиции.

Вначале представители французской школы востоковедов считали блюдо сасанидским, иранским. В 1939 г. А. И. Тереножкин высказал мысль, что блюдо – хорезмийское, т. к. на нем представлен типичный для Хорезма двухэтажный замок VI–VII вв. А. М. Беленицкий (1959) отметил, что архитектура замка на Аниковском блюде была характерна для большинства районов Средней Азии; произведением среднеазиатского искусства считали Аниковское блюдо В. А. Шишкин (1963) и Л. И. Ремпель (1982). Б. И. Маршак (1971) полагал, что блюдо отлито в IX–X вв. в государстве христиан-карлуков Семиречья по слепку с оригинала VIII в.

Композиционный сюжет также трактовали по-разному: занятие крепости иранцами и внос священного огня (Sarre, 1923; Reuther, 1938); представление сул-

Прорисовка Нильдинского блюда А. П. Бородавского

тана своей армии или подавление заговора против султана Санджара в Мерве (Соваже, 1940); шествие и вынос зороастрийского погребального оссуария – урны с прахом (Тереножкин, 1939).

С. П. Толстов (1948) связал сюжет блюда с комплексом представлений о Сиявуше – умирающем и воскресающем боге растительности у народов Средней Азии. Предводитель – это Кей-Хосров, сын Сиявуша, простирающая руки женщина – его мать; два трупа на зубцах башни – убийцы Сиявуша. В целом сюжет рассказывает о победоносном возвращении Кей-Хосрова,

его мести убийцам отца и выносе оссуария божественного основателя хорезмийской династии.

Г. А. Пугаченкова (1981) трактовала изображения как осаду и оборону двухэтажного замка, длящуюся день и ночь (их символы – солнце и луна). На крыше первого этажа жрецы выносят реликварий, творя при этом обряд, обращенный к светилам. Жрица-оранта перед входом взывает к милости высших сил. По наблюдениям Н. В. Дьяконовой (1970-е гг.), композиция напоминает переосмысленную «осаду Кушинагары», связанную с борьбой за урну со священным прахом Будды.

И. Н. Гемуев с одним из самых известных мансийских шаманов Т. И. Номиним и его женой. 1989 г. Фото автора

Б. И. Маршак в 1971 г. выдвинул версию, что на блюде представлены эпизоды книги Иисуса Навина, видоизмененные в среднеазиатской среде; последовательность эпизодов показана на блюде снизу вверх. Внизу – осада Иерихона и блудница Раав в окне, пробитом в городской стене; выше – вынос Ковчега Завета в сопровождении семи жрецов с «семью рогами юбилейными»; еще выше – взятие ханаанского города и Иисус Навин (справа), остановивший одновременно луну и солнце.

И тут на сцену вышло найденное Нильдинское блюдо, выполненное, кстати, на более высоком уровне, нежели Аниковское. Это позволило считать его оригиналом, по слепку с которого было позже отлито второе.

Священный улов

Если к Аниковскому блюду исследователи заслуженно добавляли эпитет «знаменитое», то Нильдинское в полном смысле оказалось «легендарным».

Выяснилось, что еще в 1938 г. на Урале в верховьях р. Лозьвы известный этнограф и археолог В. Н. Чернецов записал легенду о серебряном блюде (самому исследователю увидеть его не удалось). С первых страниц текста стало понятно, что речь в легенде идет именно о Нильдинском блюде.

По основной версии предания, когда-то давно ненцы, жившие в районе современного Салехарда, при неводьбе рыбы выловили серебряную тарелку. Один из рыбаков взял ее домой и повесил на шест в углу чума. На третий день после этого он заболел и умер. Тарелку взял второй человек, но и он умер на третий день. Такая же участь постигла еще пятерых ненцев. За несколько дней смерть унесла семь человек – всех, кто пытался стать владельцем тарелки.

Тогда решили найти сильного шамана и поворожить: узнать, почему умерли люди и что делать дальше. «Народ собрался. Шамана выбирать стали. Между собой хоть и выбирали, ради этого случая в бубен никто не бьет, не соглашаются... Тогда узнали, девушка есть, самый первый шаман... Развели огонь, согрели бубен, девушка петь стала, говорит: «Эта серебряная тарелка очень дорогая. Очень много богов на ней есть. **Тапал-торум* на лошади сидит, сын его тоже на лошади сидит. С одной стороны от него Мир-сусне-хум на лошади сидит, а сбоку от него сын Мир-сусне-хума на лошади сидит. Водяной царь старик по середине тарелки из воды поднялся. Плечи и руки из воды только виднеются. Пятый человек тоже есть – Щахэл-торум****»

* Одно из имен Пельмского бога

тоже на лошади сидит» (жирным шрифтом выделено описание фигур на блюде. – Авт.).

И далее шаманка, глядя на блюдо, словно начинает читать партитуру некоего мифического действия. Оказывается, Дух грома, живший на юге, решил со своими сыновьями спуститься в низовья Оби и порыбачить на территории, принадлежащей Водяному царю. Последнему это не понравилось, и он приказал поймать сыновей Духа грома и наказать их. «Два человека пошли, лодку поймали, перевернули. Обоих человек поймали. Дух грома сверху вниз смотрит, оба его сына пойманы и вниз, в город отнесены. Руки у них связаны, ноги связаны. Сыновей убили, на железную перекладину повесили». Тогда он испугался и отправился к *Тапал-торуму* просить о помощи, чтобы вместе пойти войной на Водяного царя.

«*Тапал-торум* сыну своему сказал: «**Военных коней наших поймай. Уздечками взнуздай, оседлай**». На улицу вышли, на коней сели, поехали». По пути решили заехать к *Мир-сусне-хуму*, позвать и его с собой. Приехали, поведали про свою беду. «*Мир-сусне-хум* сыну сказал: «Сходи на улицу, **военных коней наших поймай**». Сын вышел, обоих коней поймал, взнуздай, оседлай. Наружу вышли. **На коней сели. Пять конных человек едут вместе.**»

Однажды Водяной царь дома был. Дом его вдруг шевелиться начал, просто кольшется. Из дома выглянул, оказывается враги идут. **Пять конных человек. Тогда на поверхность воды поднялся. Молить начал. Когда из дома выходил, Водяной царь семи сыновьям, семи богатырям сказал: «Вы Духу неба говорите. Семь труб наверх выставьте.** Враги идут! Я их молить стану, вы Духа неба молитесь».

Сам наружу появился, над водой показался. На врагов молит. Руки навстречу протянул. Рот раскрылся. Так-то испугался!

Они тогда смилостивились. Дух неба воевать тоже не допустил... Смилостивились, хоть и отправились ради того, чтобы Водяного царя убить».

Поведав о том, что изображено на блюде, шаманка объяснила и причину, по которой погибли ненцы: «Это блюдо по семи домам носили, тогда семь человек умерло. Зачем в помещение вносили? На березку, туда привязывать надо было.

Эту тарелку в шкуру белого оленя заверните. В Верхне-Нильдинских юртах человек живет. Туда на лодке пусть везут, тот человек возьмет. Место хранения там.

Ненецкая девушка так ворожила; теперь место хранения нашла. Шаманом оно найдено. Теперь в Верхне-Нильдинских юртах хранят».

Вопрос о происхождении и времени изготовления Аниковского блюда исследователи во многом решали на основе суждения об архитектуре изображенного на нем здания, которую считали среднеазиатской. При этом в стороне осталась интересная деталь: верхняя часть задней башни замка со стоящими на ней воинами выполнена, вероятно, по эскизу, в основе которого лежит древний ассирийский батальный сюжет.

В 1878 г. при раскопках дворца Салманасара III на холме Балават, неподалеку от развалин Ниневии, найдены бронзовые листы, которыми были оббиты ворота дворца или замка (сейчас они хранятся в Британском музее). Эти листы покрыты рядами изображений и снабжены клинообразными надписями. Несколько эпизодов относятся к походам Салманасара III, направленным против царства Урарту (860 г. до н.э.). На одном листе показано ассирийское войско, направляющееся к вражеской крепости. Крепость, расположенная на горе, осаждена с двух сторон. Внутри крепости видны защитники – лучники и копейщики. Над изображением пояснительная надпись «Город Сугуниа, Арама Урартского».

Какие детали ассирийского сюжета узнаются на Аниковском блюде? Это полукруглые арочки на стене замка; фигуры двух людей, повешенных вниз головами; лучник, стоящий справа на крепостной стене; форма нижних всадников – доходящий до колен пластинчатый доспех; форма мечей. Речь идет не о том, что Аниковское и Нильдинское блюда могут оказаться значительно старше, а что искусство Средней Азии насыщено более ранними и южными традициями, уходящими своими корнями через Иран в Ассирию. Это является доводом в пользу предположения (Луконин, 1977), что протоиранское искусство целиком основано на образах и композициях искусства Древнего Востока, преимущественно Ассирии и Элама, а также Урарту и Малой Азии.

** Дух грома у манси

Его сделали «другие» люди

Поразительно, что сама того не зная, ненецкая шаманка, ворожившая о блюде, оказалась вовлечена в дискуссии советских и иностранных ученых о композиционном сюжете блюда.

Изображенные на нем фигуры были истолкованы ненецкой шаманкой в русле местной мифологической традиции. В фигуре женщины был опознан Водяной царь, молитвенно поднявший руки, семь жрецов с трубами оказались его сыновьями. На верхней части крепостной стены были повешены тела убитых сыновей Духа грома, а в одной из двух групп всадников предстали персонажи мансийской мифологии: Пелымский бог, *Мир-сусне-хум*, их сыновья и Дух грома. Возможно, что вторая группа всадников на блюде могла быть воспринята манси или ненцами как воины Духа неба, к которому обратился за помощью Водяной царь. Тогда равное количество всадников с обеих сторон не дало разгореться сражению.

Может показаться странным, что ненецкая девушка увидела в фигурах воинов не собственных богов, а мансийских; что опознала в блюде культовый атрибут манси, а не ненцев; что, в конце концов, мансийская легенда повествует о находке блюда другим народом. Объяснить эту странность нелегко, но искать ее нужно в обрядовых традициях манси.

Каждая семья, а нередко и члены семьи имели изображения собственных духов-покровителей, которые выполнялись из дерева, кости, ткани, металла, бересты и пр. Изготовление этих фетишей было обусловлено рядом правил. Во-первых, их должен был сделать другой человек. Во-вторых, их необходимо было «выкупить» у изготовителя – будущий владелец обязан был хотя бы символически возместить затраты. При этом имелись в виду не только и не столько издержки материального характера, связанные с производством изображения духа-покровителя, сколько риск наказания со стороны высших сил, которому подвергался изготовитель, сделавший невольную ошибку.

В случае с блюдом, возможно, мы видим отголосок этих правил. Будучи найденным, блюдо считается посланным свыше и должно войти в состав культовой атрибутики с соблюдением процедур, принятых для изготовления новой вещи. Мансийское же предание перекладывает ответственность за находку блюда на ненцев («его сделали *другие* люди»), косвенно подчеркивая уже свершившийся факт искупительной жертвы – смерть семи человек («блюдо выкупили» у ненцев).

Подчеркнута и другая важная деталь: у манси и хантов запрещено хранить внутри жилого пространства дома найденные вещи, отнесенные к разряду священных. Нарушившие этот обычай ненцы расплатились своими

жизнями. Гнев богов они вызвали и тем, что пытались узурпировать вещь, предназначенную другим.

Запись предания о блюде была сделана Чернецовым дважды. 22 октября 1938 г. он успел внести в дневник лишь краткие пометки, а полный текст (фрагмент которого приведен выше) записал 4 ноября. Самое интригующее, что согласно первой версии среди выловленной рыбы были обнаружены «семь блюд и все одинаковые». Одно отправили в Верхнее Нильдино, остальные чашы «развезли по другим местам».

С одной стороны, возможно, из этой же группы было и Аниковское блюдо, с другой стороны, слова «все одинаковые», не стоит понимать в прямом смысле – с одинаковыми сюжетами; речь могла идти о равных размерах, форме и других внешних признаках.

Многолетние поиски привели к успеху: в 1999 г. на святилище у хантов было обнаружено очередное «одинаковое» блюдо, выполненное в VIII–IX вв. в ремесленных мастерских Средней Азии. И вновь сюжет прекрасной чаши поверг исследователей в восхищение: в интерьере согдийского дворца в пышных одеяниях и коронах сасанидских шахов были изображены библейские цари Давид и Соломон...

Литература

Бауло А. В. *Связь времен и культур (серебряное блюдо из Верхне-Нильдина)* // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2004. – № 3. – С. 127–136.

Гемуев И. Н. *Еще одно серебряное блюдо из Северного Приобья* // *Изв. СО АН СССР, сер. истории, филологии и филологии*. – Новосибирск, 1988. – № 3. – Вып. 1. – С. 39–48.

Даркевич В. П. *Художественный металл Востока. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья* – М.: Л.: Наука, 1976. – 198 с.

Носилов К. Д. *У вогулов*. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1904. – 255 с.

Автор статьи у амбарчика Мис-нэ «Лесной женщины» вместе с его хранителями Аксиньей Степановной и Рудольфом Васильевичем Меровыми. 2007 г.
Фото А. Богордаевой

